

На правах рукописи

ИГБОЛОВ ОЛИМШОХ ШУКУРОВИЧ

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В ТАДЖИКСКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми)**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Душанбе – 2017

Работа выполнена на кафедре истории языка и типологии Таджикского национального университета.

Научный

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук, профессор кафедры англоязычного языка, факультета языков Азии и Европы Таджикского национального университета.

**Официальные
оппоненты:**

Джаматов Самиддин Салохиддинович, доктор филологических наук, доцент заведующий кафедрой языкознания и сопоставительной типологии ТГПУ им. С. Айни,

Туйгунов Носир Хакбердиевич, кандидат филологических наук, доцент заведующий кафедрой иностранных языков, Финансово-экономического института Таджикистана,

Ведущая организация:

Таджикский государственный институт языков им. Сотима Улугзаде

Защита диссертации состоится « 20 » сентября 2017 г. в 13:00 часов на заседании диссертационного совета Д 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзоде, 30).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзоде, 30, www.rtsu.tj).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Аминов А. С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Реферируемая диссертационная работа посвящена одной из актуальных проблем таджикского языкознания – изучению и исследованию пословиц и поговорок в таджикском и английском языках.

Актуальность темы исследования. В литературе народов Азии, в частности, Таджикистана, Ирана и Афганистана, существует большое количество устных и письменных пословиц и поговорок, которые представляют культурное наследие каждого из этих народов.

Следует отметить, что пословицы и поговорки дают богатый материал при исследовании вопросов, связанных с их семантикой, обусловленной спецификой менталитета народа, его традиций, образа жизни, мировоззрения. Нет никаких сомнений, что вопросы семантического богатства произведений данного жанра, их роль в стилизации образности художественной речи имеют свои лингвистические аспекты исследования. Однако многие вопросы языковой природы пословицы и поговорки, их лексико-семантической структуры, экспликации образно – метафорическими средствами и специфики употребления в художественном дискурсе остаются нерешенными в отечественном языкознании, что обусловило актуальность темы реферируемой диссертационной работы. Кроме того, изучение и исследование лексико-семантических особенностей пословиц и поговорок на материале художественной переводной литературы способствует выявлению межязыковых контактов и всестороннему рассмотрению межкультурной коммуникации в современных условиях.

Степень изученности темы исследования. Таджикско-персидская литература является неисчерпаемым кладом пословиц и поговорок и именно через письменную литературу дошли до нас образцы этого древнего жанра фольклора и литературы. Классическая литература является бесценным хранилищем этого жанра.

В своей работе мы опирались на научные труды известных паремиологов И.Снегирева, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля, А.М. Жигулева В.П. Аникина, Н.М. Шанского, Г.Л. Пермякова, А.В. Кунина, А.Тейлора, Х.Б. Милнера, А.Дандиса, Аарне Томпсона, Матти Кууси и других.

Новейшие исследования по паремиологии подтверждают и тот факт, что пословицы и поговорки бытуют в виде конкретных вариантов и каждый вариант имеет свою историю и географию распространения. Варианты возникают в результате изменений лексики, грамматического строя языка, содержания, художественной формы и системы образов пословиц и поговорок.

Изучению и исследованию пословиц и поговорок посвящён ряд статей и научных работ таджикских ученых, таких как Б.Тилавов [1966], [1975], М.Фозилов [1976]), К.Хисомов [1978], Ф.Муродов [1979], Ф.Турсунов [2006].

Первые сборники пословиц и поговорок в таджикском языке, которые имеют особую научную ценность, были составлены Х.Кариновым [1931], А.Мирзоевым [1940], Р.Амоновым [1956], В.Асрори [1956], Р.Абдуллозода [1958], Я.Калонтаровым [1965]. Сюда можно включить также «Свод таджикского фольклора» в 5 томах, изданный учеными, которые сыграли важную роль в развитии отечественной паремиологии. Различные мнения по истории и теории этого жанра были высказаны Т.Зехни, Е.Э. Бертельсом, Н. Маъсуми, Б. Гафуровым и Х. Маджидовым.

Цель и задачи исследования. Основной целью данной диссертационной работы является исследование лексико-семантических особенностей пословиц и поговорок в «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми и средств их выражения в английском языке на основе перевода Р. Никольсона. Исходя из поставленной цели, в диссертации определены и решены следующие задачи:

- раскрыта лингвистическая сущность пословиц и поговорок;
- выявлены сходство и различия лексических и семантических особенностей паремий в таджикском языке и их аналогов в английском языке;
- рассмотрено использование пословиц и поговорок в разных контекстах;
- установлены пути и способы перевода некоторых пословиц и поговорок с таджикского на английский язык;
- выявлены признаки сходства и различий в семантической структуре пословиц и поговорок в таджикском и английском языках;
- изучены семантико-стилистические особенности паремий в произведении Джалолуддина Руми «Маснави ма’нави» с учетом их тематической классификации;
- проведено семантическое и типологическое сравнение паремий в произведении Джалолуддина Руми «Маснави ма’нави»;
- определены способы перевода таджикских пословиц и поговорок на английский на примере перевода «Маснави ма’нави» Дж. Руми.

Научная новизна работы.

В диссертационной работе впервые в отечественном языкознании в сопоставительном плане исследуются пословицы и поговорки в поэме Джалолуддина Руми «Маснави ма’нави» и их английские параллели устанавливаются их сходство и различия в этих языках, выявляются их специфические особенности, устанавливаются полные и частичные эквиваленты с учетом роли этих языковых единиц в художественном тексте.

Теоретическая ценность исследования заключается в том, что изучение языковой специфики пословиц и поговорок «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми и их перевода на английский язык может оказать содействие в решении вопросов лингвистической объективации ПиП

таджикского и английского языков, проблемы их стилистики в сопоставительном аспекте. Результаты исследования могут способствовать дальнейшему более глубокому изучению паремии в языке литературы не только для таджикского и английского языков, но также для языков, близких им генетически.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее материалов и выводов при чтении лекций по лексикологии, семасиологии, спецкурсов по сравнительно – сопоставительному изучению разноструктурных языков, в практике перевода, при составлении словарей, программ, учебных и методических пособий, при дальнейшей разработке теоретических вопросов паремиологии в целом.

Общетеоретической основой диссертационного исследования послужили теоретические и методологические разработки данной проблемы в трудах известных русских и зарубежных лингвистов Вл. Даля, В.В. Виноградова, А.М. Жигулёва, Г.Л. Пермякова, В.Н. Комиссарова, А.В. Фёдорова, С.Влахова, А.В. Кунина, Ю.А. Рубинчика, А. Тейлора, Алана Дандиса, Х.Б. Милнера, отечественных ученых Н.Маъсуми, Г.Б. Баракаевой, Я.Калонтарова, Э.Бобоева, А.Ахмаджонова, Б.Тилавова, М.Фозилова, М.Н. Касымовой, К.Хисомова, Х.Маджидова, П.Джамшедова, М.Т. Азимовой, А.Мамадназарова и др.

Основными лингвистическими методами исследования послужили описательный и сопоставительный, позволяющие выявить национально-культурную специфику семантики пословиц и поговорок таджикского и английского языков. Метод лексико-семантического анализа, используемый в работе, привлекается как для подтверждения тех или иных закономерностей, развития языка так и для их выявления.

Материалом исследования явились пословицы и поговорки в произведении Джалолуддина Руми «Маснави ма’нави» и их перевод на английский язык, в сопоставлении была использована письменная и устная литература народов Таджикистана, Афганистана, Ирана и других восточных стран, хадисы, аяты из Корана и Библии. Использован Dictionary of Current English Idiomatics and Proverbs (Aghajanzadeh Kiasy), 2003 (Современный словарь английский идиом и пословиц) и Oxford Dictionary of Proverbs, 2004 (Оксфордский словарь пословиц), который раскрывает этимологию английских пословиц и поговорок.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Пословицы и поговорки в таджикском и английском языках, представляя собой один из самостоятельных художественных жанров, имеют различную специфику художественного выражения в речи.

2. Пословицы и поговорки служат для точной, выразительной и образной передачи мысли в исследуемых языках.

3. Полная эквивалентность между пословицами и поговорками в сопоставляемых языках встречается часто, поэтому пословицы и поговор-

ки с неполными эквивалентами составляют наименьшее число в таджикском и английском языках.

4.Образы предметов выражаются в пословицах сопоставляемых языков разнообразными средствами художественного изображения, такими как описание, сравнение, иносказание, метафора, аллегория и др.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета от 5 февраля 2016 года, протокол № 09 и рекомендована к защите. Материалы исследования и его результаты докладывались на республиканских научных конференциях, также на научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета (Душанбе 2008–2016 гг.). Основные результаты исследования отражены в четырех научных статьях, опубликованных в журналах включенных в перечень ВАК РФ, и в шести других публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Общий объем работы 166 страниц компьютерного набора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается обоснование выбора данной темы, указываются степень ее изученности, цели и задачи исследования, а также проводится обзор теоретических, научных источников и методов исследования, использованных в работе.

Первая глава **«Теоретическое обоснование исследования пословиц и поговорок в таджикском и английском языках»** состоит из трех разделов. В данной главе речь идет о специфичности пословиц и поговорок в таджикском и английском языках. Помимо того, в главе, проводится анализ выявленных в процессе исследования различий и общности в исследуемых языках, проявляющихся между пословицами с одной стороны и поговорками – с другой.

В первом разделе **«Общие понятия пословиц и поговорок в таджикском и английском языках»** отличается, что как один из видов народного творчества, пословицы и поговорки, древнейших времен развивались в тесном контакте с другими жанровыми формами фольклора, например, такими как наставление, загадка, анекдот, притча, четверостишие и т.п. Изучение различных сторон устного народного творчества таджиков, являющихся одним из древнейших народов мира, может помочь в решении теоретических проблем науки паремологии. Вместе с тем, подобные сопоставительные языковые исследования привлекают повышенное внимание прежде всего лингвистов, т.к. изучение различных

языковых явлений создают дополнительные возможности для решения важных вопросов, стоящих перед современной лингвистикой.

Общеизвестно, что главным источником появления и последующего развития этого жанра народного творчества, как в таджикоперсидской, так и в западноевропейской среде, является сам народ, его бесконечно долгий опыт бытия, который способствовал появлению и развитию различных видов паремий. Кроме того, необходимо сказать, что пословицы и поговорки, являясь первоначально чисто устным видом народного творчества, со временем обретают свою книжную форму, и в определенной мере стабилизируют свою грамматическую структуру. Наглядным подтверждением данного явления может служить несоответствие позиций членов предложения в устной и письменной формах выражения данного жанра, что определяется соответствующими грамматическими канонами, свойственными каждой из этих форм выражения:

Кай тарошад тез даста (й) хеуро?

Рав ба чаррохе сунор ин реуро [11, с. 99].

Нож не режет свою рукоять,

Иди и вылечи рану у врача.

How shall the sword fashion its own hilt? Go, entrust (the cure of) this wound to a surgeon [Mathnawi, 2001, 175]

Эта строка представляет собой литературный вариант, а что касается разговорного стиля, то его вариант приведен в нижней строке: *Корд (чоқу) дастаи худо намебурад* [Aghajanzadeh, 2003, 260]. – *На свои руки топора не уронит* [3, с. 219]

Приведенные в нашем исследовании примеры свидетельствуют о том, что с обретением письменной формы пословицы и поговорки получают более широкое распространение и в конечном итоге укрепляют свою грамматическую структуру. Книжная форма паремий предполагает использование их литературной формы. Помимо того, специфика этих различий подчас находит свое выражение в степени лаконичности и простоты языка: *Чангал бе дангал намешаваду диёр бе душман* [3, с. 134]. – *No rose without a thorn* [Aghajanzadeh, 2003, 312]. – *Нет розы без иштов* [1, с. 65].

Исходя из данного утверждения, Г.Л. Пермяков ставит следующий вопрос: Что стало причиной смысловой идентичности пословиц и поговорок у разных народов? Среди исследователей – паремиологов нет единой точки зрения по этому поводу. В частности, широкое распространение получили нижеследующие гипотезы:

1. Этническая взаимосвязь и языковая родственность.
2. Заимствования в результате культурных, экономических и социальных контактов.

3. Схожесть исторического опыта и “однообразие идеологий” в процессе поступательного исторического развития социума (общества) [6, 19-20].

Одним из до сих пор не решенных вопросов в современной лингвистике остается вопрос самостоятельности жанра пословиц и поговорок. По некоторым утверждениям, пословицы и поговорки необходимо рассматривать как единый жанр, другие предполагают полную независимость жанра, помимо того, есть сторонники отнесения данного жанра к сфере фразеологии. Между тем, сами пословицы имеют достаточные отличия от поговорок. Пословицы, имея в основе своей иносказательный характер, в качестве образного инструмента используют аллегория или метафору. Прямое значение в пословицах используется только для выражения основной цели, основного идейного содержания. Например:

Об аз сар тира аст эй хирахаим,

Пеитар бингар, яке бикшой чаим [11, с. 386].

Эй недоброжелатель, **вода с самого истока мутная,**

Разуй очи и присмотрись внимательнее.

The water is turbid from the source: “O thou who art angry in vain, look farther on, open thine eye once! [Mathnawi, 2001, 197]

Эквивалентом является: – Рыба тухнет с головы. – Об аз сар (боло) лой аст. [3, с. 257]. – Вода мутная с истока.

Во втором разделе первой главы “**Основные отличия пословиц от поговорок**” автор основываясь на аргументах, приведенных различными исследователями в области паремологии, раскрывает тему, собственно обозначенную в самом названии раздела. Пословицами прежде всего выражается сентенция, наполненная народной мудростью.

На самом деле, пословица – это кратко выраженная народная мудрость. В таджикских словарях пословиц от поговорок (далее – ПиП) содержится очень мало конкретной информации относительно самого термина (пословица). Надо сказать, что большинство мировых паремологов объединяют пословицы и поговорки в единое понятие.

Во введении своей книги “Таджикские пословицы” А. Мирзоев, говоря о внутренней структуре пословиц, пишет следующее: «Цельная пословица состоит из двух частей, где первая часть отражает какое-либо событие или цель, а во второй части следуют определенные выводы» [Мирзоев, 1949, 7]. Известный английский языковед Х.Б. Милнер так же делит ПиП на две части, образно обозначая их «голова» и «хвост» [8, с. 19].

Он чӣ ту дар ойина бинӣ аён,

Пир андар хиит бинад пеш аз он [11, с. 124].

What you see plainly in the mirror- the Pir sees more than that in the brick [12, с. 21].

Другое отличие пословиц от поговорок заключено в том, что историю происхождения первых мы можем проследить, а вторых - нет. Между тем, пословицы и поговорки различаются между собой количеством слов, красноречием, синтаксическим строем, связанностью слов и т.д. Поговорка в большинстве из перечисленных особенностей, дошли до нас уступает пословице, поэтому гораздо реже используется в искусстве художественной речи (описание, сравнение, иносказание, метафора и т.п.). В поговорках предмет, как правило, находит выражение в своем прямом, непосредственном значении, сравнению здесь мало места. В поговорках на первое место выходит основное значение слова: *Илочи дард неш аз дард бояд кард* [3, с. 212]. – *Better early than late* [1, с. 20]. – *Лучше рано, чем поздно* [1, с. 146]. ПиП способствуют усилению воздействия речи на субъект для достижения конечной цели.

Внутренняя структура, форма, синтаксическая структура, а также содержание наставлений и советов пословиц и поговорок практически не обнаруживают в себе существенных отличий между собой. Единственным отличием, достойным упоминания, может быть более высокая частотность использования рекомендаций, советов, нравоучений, содержащихся в поговорках. За основное отличие пословиц от поговорок нами принимаются синтаксические различия, а именно простота и сложность использованных выражений. К специфике национальных таджикских пословиц следует отнести особую художественность выражения образа и формы, что в свою очередь, не свойственно национальным поговоркам.

Оқибат чўянда ёбанда бувад,

Ки фараҷ аз сабр зоянда бувад [11, с. 595].

Ищущий в конце концов находит,

Терпение – залог успеха.

In the end seeker is a finder, for from patience joy is born [Mathnawi, 2001, 65].

– *Where there's a will, there's a way* [11, с. 334]. – *Где хотенье, там и уменье* [3, с. 37].

Подводя итог данной части исследования, можно сделать следующее заключение: ПиП в таджикском и английском языках, представляя собой один из независимых художественных жанров, имеют различную специфику художественного выражения в речи.

В отдельном разделе первой главы «**Вопросы общего соответствия ПиП в английском и таджикском языках**» рассмотрены проблемы соответствия паремий в таджикском и английском языках на материале переводов «Маснави» и учтены вопросы классификации ПиП как одной из важнейших проблем развития современной мировой паремиологии.

Общеизвестно, что в силу географической, культурной и религиозной удаленности таджики и англичане значительно разнятся между собой. Однако, если взглянуть на этот факт с точки зрения генеалогической наследственности, то можно проследить некоторую родственную связь между нашими народами. С целью определения общности ПиП, характерных для обоих народов, нами был применен метод анализа, т.к. данный метод способствует наиболее глубокому проникновению в законы этого жанра, а также дает возможность получить более достоверные выводы, необходимые для нашего исследования.

Естественно, что тематика пословиц и поговорок народов Таджикистана и Англии в значительной мере отражает их социально-бытовое мироустройство. В большинстве случаев в пословицах присутствует иносказательность во время изложения цели говорящего, а образ предмета нарисован посредством описаний, намеков, аллегорий и других художественных средств речи. Здесь необходимо подчеркнуть, что цель и смысловое наполнение национальных таджикских пословиц и поговорок в значительной мере совпадают с пословицами и поговорками других народов. Например: Пословица: *Хар равад гар Маккаву Мадина, боз ояд ҳамон хари қадим (ин)а* (тадж.) выражает общий образ для этих народов. – *An ass is but an ass, though laden with gold* (англ.), – *Свинья и в золотом ошейнике* – *свинья* (русс.), – *Гил ишша намешавад, одами бегона бародар* (узб.) и т.д.

Упомянутые выше пословицы ясно свидетельствуют, что несмотря на ментальные различия народов, смысл и преследуемые цели использования ими пословиц и поговорок в целом совпадают.

Проведенное исследование ясно свидетельствует, что пословицы и поговорки с обретением своей книжной формы получают более широкое хождение среди народа, тем не менее, при этом они сохраняют свою грамматическую и лексическую структуру и приобретают литературное звучание. Поэтическая форма пословиц и поговорок, характеризуется делением на части, при этом неизбежно происходят некоторые изменения в грамматической структуре пословиц и поговорок.

Во второй главе под названием «**Семантический анализ ПиП в произведении «Маснави ма’нави» Мавлоно Джалолуддина Руми**» основное внимание уделено лексическим, семантическим особенностям простонародной речи и языка ПиП.

В первом разделе второй главы «**Семантические особенности ПиП «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми в таджикском и английском языках**» речь идет об истории появления, а также семантическом наполнении ПиП. Входя в единую индоевропейскую языковую семью и будучи односистемными языками (аналитическими), тем не менее по многим своим особенностям английский и таджикский языки различаются

между собой. Эти отличия проявляют себя, прежде всего, в позициях занимаемых главными и второстепенными членами предложения. Обычно пословицы используют различные виды переносного значения. Мы не пользуемся словами и выражениями из пословиц в их прямом, непосредственном смысле.

Например, в «Маснавии ма’нави» дано:

Чу бикорӣ ҷав, нарӯяд гайри ҷав,

Қарз ту кардӣ, зи кӣ хоҳад гарав? [11, с. 570]

Если засеешь ячмень, прорастет ячмень,

Ты взял долги, кто их вернет?

Аз бог лола чинӣ, аз шӯразор хас (Са’ди), аналогом которой является *As the call, so the echo* [1, с. 18]. – *Что посеешь, то и пожнешь* [3, с. 84].

Некоторые пословицы и поговорки, посвященные различным событиям, датам, традициям, позволяют нам установить историю их происхождения. Приведем пример из английского языка: **Birds of a feather flock together** (Fowls of a similar plumage congregate together) [Aghajanzadeh, 2004, 306] – *Птицы одного оперения собираются вместе*. Конечно, для жителей определенных регионов смысл данной пословицы открывается не сразу. Для того чтобы понять истинный смысл выражения, нам необходимо заглянуть в историю – политическое устройство Британского парламента XIV века. В то время британский парламент состоял из двух палат: Палаты общин (The House of Commons), члены которой избирались голосованием, и Палаты лордов (The House of Lords), в которую входили невыборные представители «высшего света» Англии (лорды, наследники королевских семей, священники и т.д.). Таким образом, это выражение связано с началом совместной деятельности представителей Палаты лордов. Смысл данной пословицы, в таджикском языке передается выражением:

Сӯйи чинс ояд сабук з-он повдон,

Чинс бар чинс аст ошиқ, ҷовидон [11, с. 410].

Каждый тянется к своему племени (роду),

Масть к масти подбирается всегда.

Дузд дузд ро дар шаби тор мешиносад [3, с. 194], что соответствует русскому: *Рыбак рыбака видит издалека* [3, с. 194] и английскому *Dog does not eat dog* [Aghajanzadeh, 2004, 78]. В результате анализа перед нами предстает в ясном свете не только суть самого выражения, но и история его происхождения. В таджикском языке достаточно легко понять этимологию пословицы **На шири шутур хохам, на лидори (модари) араб** [Асрори, 1967, 79] (пер: Нет мне нужды ни в верблюжьем молоке, ни в арабских матерях) [Информант]. Понятно, что появление этой пословицы датируется примерно VII веком, она негативна по отношению к ара-

бам и обусловлена размежеванием Центральной Азии в результате арабского нашествия.

В английском языке определенные параллели можно провести с нижеследующей народной английской пословицей: **Do in Rome as the Romans do (When at Rome, do as the Romans do)** [10, с. 313], *Шахри якчаи-мон рафтӣ, якчаи-матро кӯр кун* [7, с. 106], (русск. Эквивалент: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* [1, с. 74]. Данная пословица явилась отражением отношения коренного населения к римским завоевателям (с I по V век), которые насильно навязывали свои правила поведения, язык, культуру и религию.

Образы предметов выражаются в пословицах разнообразными художественными средствами, такими как описание, сравнение, иносказание, метафора, аллегория и т.п. Главными источниками англоязычных пословиц и поговорок явились, прежде всего, народ, литература, Евангелие, а также заимствования, воспроизведенные В.Шекспиром.

Говоря об особенностях таджикских пословиц и поговорок, нам следует подчеркнуть их значительную понятийно–типологическую идентичность с нравоучительными выражениями в таджикском языке, вошедшими в наш язык из Корана. Проведенное исследование убедительно показывает совпадение внутреннего содержания некоторых пословиц и поговорок таджикского языка и ряда цитат из Корана и различных религиозных хадисов. Например: *Зи гаҳвора то ба гӯр доиши бичӯй* – От колыбели до могилы учись, – *Seek the knowledge from the cradle to the grave (the Prophet s. a. s.)*, – *Мусалмонро аз як сӯроҳ мор ду бор намегазад* [Зубайди, 2005, 523]. – *В одном месте, мусульманина змея дважды не кусает* и т.д.

В целом наше исследование подтвердило, что в своей повседневной жизни наш народ довольно часто пользуется цитатами из Корана. Свои нравоучительные идеи пророк и его сподвижники распространяли посредством рассказов-наставлений - хадисов. Между тем в Западном литературном языке пословицы и поговорки, в основе которых лежит Евангелие, так же можно считать одним из видов заимствований, т.к. это, по сути, отражение быта и ценностей древнееврейского народа. В процессе работы нам встретился целый ряд таджикских пословиц и поговорок, не имеющих своего эквивалента в английском языке, но мы нашли, можно сказать, их дословные переводы.

Во втором разделе второй главы «**ПиП и фразеологические единицы в «Маснави ма’нави» Джалоулуддина Руми их перевод и комментарии Рейнолда Никольсона**», рассмотрены насущные вопросы современного языкознания. Современная научная литература располагает значительным количеством работ, посвященных различным аспектам национальной фразеологии, однако вопрос четкого определения фразеологи-

ческой единицы, ее формы и по сей день не нашел своего единодушного решения в лингвистических кругах. Существуют исследования, посвященные появлению некоторых видов фразеологизмов из пословиц и поговорок. Более детально границу между пословицами и поговорками, которые дошли до нас, и фразеологическими единицами можно проследить, ознакомившись с научными трудами русских ученых В.В. Виноградова, В.П. Аникина, Н.Н. Амосова, А.В. Кунина, Ю.А. Рубинчика, а также их таджикских коллег Н.Ма'суми, М.Фозилова, В.Хушеновой, Х.Турсунова, Х.Маджидова и других. В этих исследованиях разбираются вопросы специфики, свойственной пословицам, поговоркам и фразеологизмам. Следует отметить, что пословицы и поговорки содержат в себе все основные качества полноценного предложения – будь то смысловое ударение, деление на синтаксические части речи или же наличие сказуемого.

Следует сказать, что среди лингвистов нет единогласия по данному вопросу. Если некоторые из ученых проводят параллели между пословицей, поговоркой и фразеологией, то иные склонны к ограничению места функционирования фразеологизма и не включают его в группу пословиц и поговорок. В персидском языке этими вопросами занимался Мансур Шаки. Ученый, ознакомившись с русскими и западными исследованиями в данной области, а затем тщательно рассмотрев различные виды фразеологизмов в персидском языке, пришел к мнению, что пословицы и поговорки занимают особую нишу во фразеологии и это, по его мнению, подтверждается наличием при-сущих фразеологизмам свойств пословиц и поговорок:

а) стабильность лексического строя;

Фразеологическое словосочетание Волк в овечьей шкуре – Гург дар чомай (либос) меш и словосочетание *Wolf in sheep's clothing* английского языка являются эквивалентами, их ключевые слова **гург** – **меш** и **wolf** – **sheep** являются стабильными.

б) специфика иносказательности ПиП и стабильность значений;

Дид сад чандон, ки васфаш карда буд,

Кай бувад худ дида монанди шунуд? [11, с. 548]

Видел насколько восхвалил его,

Разве услышанное может сравниться с увиденным?

в) в разговорной речи используются в готовом виде:

Дер ояду шер ояд, Кам бошаду хуб бошад, Чавоби аҳмақ сукут аст.

Гуфт: «Ўро нест илло дарди лут»,

Пас чавоби аҳмақ авлотар сукут [11, с. 389].

Говорил: да у него изъянов кроме болезни лута,

Лучший ответ глупцу - молчание.

He said, “He hath no care but for (the loss of) viands: **silence**, then, **is the best answer to a fool**” [12, с. 213].

В третьем разделе под главы «**Выражение реалий в ПиП «Маснавии ма’нави» Джалолуддина Руми их комментарии Никольсоном**» рассматривается понятие реалии, которое занимает должное место в современном языкознании. Реалия - это своеобразное отражение действительности, непосредственно связанное с определенным социумом, его культурой и традициями. Термин «реалии», часто используется в теории перевода, лингвистике, истории и других науках применительно к какой-либо определенной стране, региону, селу с которыми, эта реалия непосредственно связана.

В нашем случае примером может служить перевод «Маснавии ма’нави» Руми, осуществленный Р. Никольсоном, где переводчик оставляет без изменений лексику, выражающую специфичные, национальные таджикско-персидские реалии: *абир–abir*, *дирхам–dirhem*, *сумок–Simok*, *халвову хабис–halva or khabis* и т.д.

Луқма андоза хӯр, эй марди ҳарис!

Гарҷӣ бошад луқма ҳалвову ҳабис [11, с. 480].

Ҳарис ҳамеша мағлуб аст.

Eat (and drink) in moderation, O greedy man though it be a mouthful of **halva** or **khabis**. [Mathnawi, 2001, 167]

Эти пары слов выражают единое понятие, их также называют синонимами двойного назначения, которые следуют парой и связаны между собой соединительным союзом – **у: халвову хабис, хавфу хатар**.

Для передачи имен чаще используется метод транслитерации (*передача знаков одной письменности знаками другой письменности* [РТС, 1985, 1113]. Становится понятным, что с точки зрения лингвистики определенной страны для выражения реалий переводчику приходится применять значительно большее количество языковых средств, имеющихся у него в распоряжении.

Гуфт пайгамбар ба овози баланд,

Бо таваккул зонуи уштур бибанд [11, с. 39].

Для передачи слова – **таваккал** (упование), Никольсон посредством метафорического переноса использует фразеологический оборот - **to trust in God** (уповать на Господа), что можно рассматривать, как вполне адекватный перевод. The Prophet said with a loud voice, ‘while **trusting in God** bind the knee of thy camel’ [Mathnawi, 2001, 51].

Следует подчеркнуть, что выражение *Таваккал ба Худо кардан*, достаточно часто употребляется в таджикском языке. Данная пословица зарегистрирована в «Своде таджикского фольклора»: *Таваккал нару андешиа мода* [7, с. 318], Risk is male, hesitation is female [7, с. 122]. В другом своем двустишии поэт употребляет словосочетание **доғ кардан** (доғсӯзӣ

кардан) – прижигать, клеймить, действие, получившее широкое распространение в народной медицине.

Тавба кун в-аз хӯрда истифроғ кун,

В-ар ҷароҳат куҳна шуд, рав, доғ кун [11, с. 167].

Раскаивайся и будь умеренным в еде,

Если рана становится старой, **следует прижигать.**

Таким образом, реалии наполнены экстралингвистическим смыслом и поэтому не предполагают дословного перевода.

Четвертый раздел второй главы «**Лексика и толкование просторечий в пословицах и поговорках «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми**» посвящен языковым особенностям просторечий как своеобразной возможности выражения мысли в поэтическом контексте. Произведение «Маснави ма’нави» представляет собой неким кладезь народной мудрости, заключенный в пословицах и поговорках и вобравший в себя самые разнообразие темы. В своем большинстве это фразеологические словосочетания, отражающие народные чаяния и надежды, кропотливо собранные великим ученым и предстающие перед читателем в поэтической форме. Руми вновь “... обращается к языку простого народа” [Маснавӣ, 2001, 6], как и в языке «Маснави ма’нави», народная речь является неиссякаемым источником различных форм и видов выражений, понятных и близких большинству [Кабиров, 2011, 10]. Следует, также подчеркнуть, что с момента начала ее употребления, такие слова по-разному “прижились” в современных наречиях таджикского языка: одни, употребительны во всех таджикских говорах и наречиях **тонистан** – **тавонистан**: Худ наметонист овозе фарошт; другие – больше характерны для определенных регионов (**холӣ**, Хочаи фардову холӣ пеши ӯ – для южных регионов, то же самое **батар–бадтар**, **хаст-хай** (262, 281, 603) в северных регионах Таджикистана.

Ҷумла донанд ин, агар ту награвӣ,

Ҳарчи мекориш, рӯзе бидравӣ [11, с. 338].

Все знают, если ты не присоединишься,

Что посеешь, то и однажды пожнешь.

Слово «**мекориш**» во второй строке (*коридан, коштан – сеять, засеять, сажать*) преимущественно употребляется в южных районах Таджикистана.

Некоторые из народных выражений в «Маснави ма’нави» и по сей день широко употребительны в различных диалектах таджикского языка. Создается впечатление, что подобная лексика и языковые формы, употреблялись на территории Хорасана и Мавераннахра еще за несколько веков до Джалолуддина Руми, и впоследствии поэтапно распространились во всем таджикском языке. В результате исследования, проведенного в данном разделе, нами был сделан основной вывод, что ПИП

в произведение Руми «Маснави ма’нави» по большей части переданы языком просторечья.

В третьей главе «Лексические особенности ПиП в произведении Джалолуддина Руми «Маснави ма’нави» проводится анализ и интерпретация структурных особенностей пословиц и поговорок. Данная глава включает в себя шесть разделов.

Первый раздел «Тематическая классификация ПиП» посвящен принципам классификации пословиц и поговорок не по тематике, а с точки зрения их внутреннего устройства – по опорным словам, с чем в начале не соглашался известный русский языковед В. Даль, Опираясь на материалы русского фольклора, научно обоснованную аргументацию данного подхода дал другой русский паремиолог А.М. Жигулев.

Пословицы наполнены конкретным смыслом и тематически обусловлены, поэтому некоторые отечественные исследования (А. Мирзоев, З. Вохидов, М. Фозилов, С. Норматов), в той или иной мере затрагивающие проблематику пословиц и поговорок, построены на анализе текста (содержания) как наиболее общепонятной их составляющей. В настоящее время существует несколько видов классификации пословиц и поговорок в разносистемных языках: 1. Алфавитная классификация; 2. Классификация по опорным (ключевым) словам (лексическая); 3. Монографическая классификация; 4. Генетическая система классификации; 5. Тематическая классификация [Пермяков, 1984, 14-15].

Еще раз подчеркнем, что ПиП в творчестве Руми занимают достаточно значительное место.

Согласно полученным нами данным, по сравнению с пословицами автор в «Маснави ма’нави» чаще обращается к поговоркам и афоризмам, из которых 386 единиц были подвергнуты нами тщательному анализу и систематизации. В шести книгах «Маснави ма’нави» выявлено следующее количество ПиП:

Книга первая	Книга вторая	Книга третья	Книга четвертая	Книга пятая	Книга шестая	Всего
57	73	76	58	71	51	386

С нашей стороны все рассмотренные ПиП «Маснави ма’нави», в зависимости от их содержания, были разбиты на три основные тематические группы: 1. *Мудрость веков (жизни)*. 2. *Положительные качества человека*. 3. *Скверные черты характера*.

Три тематические группы, в свою очередь, подразделяются на нескольких подгрупп; «Дружба», «Труд», «Образование», «Этика», «Правда», «Язык», «Зависть», «Довольство», «Уважение к родителям». Подводя итог проведенной систематики, можно утверждать что автор активно использовал в своем творчестве практически все элементы живой народной речи: лексику, простонародные выражения и ПиП.

В третьем разделе под пунктом один «Употребление названий ремесел в ПиП «Маснавии ма’нави» Джалолуддина Руми» следует отметить, что ПиП, в той или иной мере касающиеся тематики различных видов ремесел и профессий получили достаточно широкое применение в «Маснавии ма’нави» Руми. Рассуждая о бытии и превратностях судьбы, о творчестве и успехе, о профессиональных качествах представителей различных слоев общества, ученый говорил следующее:

*Пешии заргар ба оҳангар нашуд,
Хуи ин хушхӯ ба он мункар нашуд* [11, с. 59].

Кузнец не знает секрет ремесла ювелира,

The **goldsmith’s craft** did not go to the **ironsmith**; the disposition of the good-natured man did not go to the disagreeable one [12, с. 92].

Из исследования становится понятно, что в большинстве случаев перевод «Маснавии ма’нави» Р. Никольсона представляет собой во многом буквальную передачу текста. Терминология, имеющая отношение к ремеслам, в общем плане переведена верно. Однако иногда именно основной смысл пословиц и поговорок в трактовке Р.Никольсона, остается скрытым от читателя. Например, английский эквивалент первой строки двустихия, широко распространен в английском языке, поэтому не совсем понятно для чего переводчик предлагает читателю дословный перевод общеизвестной англичанам пословицы: *The cobbler should stick to his last* [Oxford, 2004, 53-54], – *Кор мешавад табох, агар наългар заргарӣ кунад* [3, с. 222], – *Беда коли сапожник начнет печь пироги, а кузнец тачать сапоги* (Н.А. Крылов) [1, с. 61]. Если взять общий объем переведенных Р. Никольсоном пословиц и поговорок, то большинство из них имеет свой полноценный эквивалент в английском языке, поэтому нам не совсем понятно стремление переводчика к использованию буквального перевода.

Следует заметить, что большинство ключевых слов (*оҳангар – an ironsmith, заргар – a goldsmith, барзгар – a farmer, кафшгар – a cobbler*) для этих ПиП, имеющих отношение к различным видам профессиональной деятельности, располагают полноценными синонимами в английском языке.

Второй раздел озаглавлен «Фонетическая специфика ПиП «Маснавии ма’нави» Джалолуддина Руми в английском и таджикском языках». Большинство пословиц и поговорок, будь то в литературном или в разговорном вариантах, ясно демонстрируют звуковую специфику, присущую тому или иному региону, традициям, привычкам, диалектам и наречиям. Эта особенность находит свое яркое выражение в выпадении звуков, в смене их места в слове, употреблении приставок и окончаний, удвоении звуков, различных формах упрощения и усиления. Нижеупомянутая пословица достаточно употребительна в современной разго-

ворной речи и представлена в «Своде таджикского фольклора» [7, с. 72-73]. На примере которой можно проследить фонетическую, а также морфологическую и синтаксическую вариативность: *Чоҳкан зери чо*. Здесь при повторе слова происходит выпадение согласного /x/, что, естественно, обусловлено региональными языковыми различиями (*Чоҳкандаро чоҳ дар пеи, Чокан зери ча, Чокандая чо дар пеи* и т.п.).

В качестве примера широко распространенной сегодня формы вариативности звуков во многих словах можно привести замену гласной /o/ на /a/: *роҳ – раҳ, чоҳ – чаҳ, моҳ – маҳ, нигоҳ – нигах, рӯбоҳ – рӯбах, гуноҳ – гунаҳ*, которая была исторически обусловлена и соответствовала долгому /a/ [Бобомуродов, 2012, 128].

Оламеро як сухан вайрон кунад,

Рӯбаҳони мурдаро шерон кунад [11, с. 56].

Одно слово может разрушить весь мир,

И сделать мертвую лисицу львом.

A single word lays waste a (whole) world, turns dead *foxes* into *lions* [12, с. 88].

Следует отметить, что для английского языка, подобные проявления фонетической вариативности, не характерно.

Явление метатезы (от греч. Metathesis) – перестановка звуков или слогов в составе слова на почве ассимиляции или диссимиляции – *шикам* вместо *шикам*, *истора-ситора...*) в исследованных нами ПиП, проявляет себя в появлении между первыми двумя согласными краткой гласной.

Гарчи андар макру мӯй *ишкоф* буд [11, с. 375].

Зоҳири нукра гар *испед* асту нӯ,

Дасту чома месияҳ гардад аз ӯ [11, с. 26]

Свойства серебра, его блеск и белизна,

Руки и одежды могут очернить от него.

If the surface of silver is white and new, (yet) *the hands and dress are blackened by it* [12, с. 27].

И сегодня, в некоторых селениях Пенджикента во время закваски йогуртов вместо общепринятого *сафед* употребляется слово *испед* (ӯ).

Определенная часть специальной лексики еще задолго до Руми проникла из говоров и наречий населения Мавераннахра и Хорасана в таджикский язык, где обрела благоприятную почву для более широкого употребления. Следует отметить неравномерность использования подобной лексики в различных региональных говорах Таджикистана. Например, такие слова, как *тонистан* (худ *наметонист*) употребительны практически во всех концах республики, тогда как лексика, подобная

батар, ҳолӣ, ҳай в настоящее время употребляется в основном в южных и северных регионах.

Случаи принудительного изменения слов и торжество поэтической идеи имеют между собой причинно-следственную связь, поскольку основная часть художественного творчества Руми характеризуется диапазоном от безудержного веселья до полного самоотречения.

Третий раздел – «**Употребление слова «мар» в ПиП «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми**». Если взглянуть на классическую персидско-таджикскую литературу с целью обнаружить там имя поэта или писателя, который бы не использовал в своем творчестве слово “**мар**”, то следует признать, что данная задача является практически бесперспективной. В качестве подтверждения следует отметить, что это слово употребляется в «Маснави ма’нави» практически в каждой ПиП или в дустииши, в той или иной мере имеющем отношении к ПиП. *Толковый словарь таджикского языка* предлагает следующее описание данной лексической единицы:

“**Мар**” – частица, использующаяся перед словом и часто вместе с послелогом “**-ро**” выражает понятие подтверждения или определения чего-либо, а подчас эта частица употребляется только ради украшения речи. В других случаях, особенно в классических текстах, частица может употребляться вместо “**-ро**”: **мар он кас, мар-маро**. Слово “мар” выступает в качестве полноценного слова, когда находится в связке с существительными:

а) имеющими значения: предела, меры, счета.

Малик чун варо дид бо арҷу фар,

*Ки онро на андоза буду на **мар*** [Қосимова, 2003, 312].

В этом случае “**мар**” становится синонимом понятиям **объема** и **счета**.

б) связка с числительным, придает слову “мар” соответствие значению ста тысяч: **Мар 1**. Исчисляемое, числительное, нумерация. 2. Знак, выделяющий начало исчисления от пятидесяти или сотни [ФЗТ, 754].

Гуфт: «Мури тусту моро аждаҳост,

Ки зи зону то ба зону фарқҳост.

Гар туро то зону аст, эй нурҳунар,

Мар маро сад газ гузаит аз фарқи сар [11, с. 22].

В качестве предлога “**мар**” обычно выступает в связке с послелогом “**-ро**”, где его основным предназначением является усиление того или иного оттенка слова.

Гум шавад чун боргоҳи ӯ расид,

*Об омад, **мар таяммумро дарид*** [11, с. 366].

Пусть пропадет, когда наступить его черед,

Пришла вода омовение запрещено.

He sought him, that he might be as a slave to him: inevitably **the seeker is a finder** [12, с. 78].

Проводя сравнительный анализ переводов, мы также выявили, что послелог “-ро” при передаче на английский язык часто исполняет роль определенного и неопределенного артиклей. Между тем, сама частица “map”, находясь перед именами в единственном и множественном числе, часто играет роль определенного артикля (the) в английском языке. Из вышесказанного можно сделать вывод, что слово “map” использовалось в творчестве большинства писателей и поэтов IX-XI веков в качестве имени, числительного, предлога (*ба, дар, аз, барои*) и послелога “-ро”.

Четвертый раздел - «Лингвистические особенности перевода Р. Никольсона ПиП «Маснави ма’нави» Джалолуддина Руми на английский язык». «Маснави ма’нави» Руми-это яркий образец классической таджикско-персидской литературы, поэтому Р. Никольсон всячески старался, чтобы его перевод на английский как можно больше соответствовал нормам классического английского языка. Ввиду сказанного, переводчик использовал большое количество вышедших из активного употребления местоимений архаизмов: **thy**- твое, **thou** [θau] – ты, ‘**Tis**, ‘**twas**, **on’t (he, she, it)** - (он, она, это).

Устаревшее **thy** [ðai] - *твой, твоё*, является ярким образцом группы архаичных притяжательных местоимений (современный **yours**).

Гуфт пайгамбар ба овози баланд,

Бо таваккул зонуи уштур бибанд [11, с. 39].

Громким голосом сказал пророк,

Перевяжи верблюжье колено и уповай на Бога.

The Prophet said with a loud voice, *‘while trusting in God bind the knee of thy camel* [12, с. 51].

Еще одно личное местоимение из группы архаизмов **thou** [θau]-ты (**you**) своим постоянным присутствием в переводе Р.Никольсона, говорит о том, что переводчик всячески старается следовать стандартам классического английского языка:

Ҳеч гандум кориву ҷав бар диҳад?

Дидай асбе, ки кура (й) хар диҳад? [11, с. 58].

Ведь от посеянной пшеницы не произрастает ячмень,

Видал ли лошадь, которая родила осла?

Wilt **thou** sow wheat and will it produce barley? Hast **thou** seen a mare bring forth an ass’s colt? [12, с. 90].

Отличия между местоимениями в английском и таджикском языках определяется наличием у них категории рода. В таджикском языке она отсутствует, поэтому род определяется из контекста. Р.Никольсон в своем переводе применяет их сокращенные формы из разговорной речи:

местоимения *'tis, 'twas, on't*, которые в настоящее время являются устаревшими для английского языка. *'Twas* – ранее использовался для выражения прошедшего времени для 3-го лица, ед. числа. Кораническая лексика *sura – сура, Ka'ba – Каъба, sabr – сабр, Kawthar – кавсар, устурлоб – astrolabe* и другая дается в переводе без изменений.

*Sad ҳазорон кимиё Ҳақ офарид,
Кимиёе ҳамчу сабр Одам надид* [11, с. 262].

Тысяча химических элементов создал Аллах,
Лучшего, чем терпение, человеку не дано.

He (God) hath joined **sabr** (patience) with **haqq** the real permanent: O reader, recite attentively the end of **(the Sura) Wa'l-'asr** (*Sura c. III, 3*) [Mathnawi, 2001, 99].

Как отмечают в своей книге американский поэт и переводчик произведении Руми Колман Баркс, еще на много раньше, Р. Никольсон приложил поистине титанические усилия для того, чтобы арабские тексты «Маснави ма'нави» были переложены на латиницу и оказали должное воздействие на своего читателя.

Множество имен, пишущихся в таджикском языке со строчной буквы, в переводе пишутся с заглавной буквы, поскольку перевод обязан соответствовать нормам современного английского языка.

Пятый раздел – «Суффиксы в ПиП «Маснави ма'нави» Джалолуддина Руми и средства их передачи в английском языке». В таджикском языке существует около сорока словообразующих суффиксов, которые помогают при создании новой лексики. Каждый из них выполняет возложенные на него законами языка задачи и имеет определенное место приложения. Например, суффикс «-а» производителен и часто применяется для словопостроения, сам Руми довольно активно им пользовался. Профессор Ш. Рустамов в своем научном труде “Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке” говорит следующее: “Суффикс –а в современном литературном таджикском языке рассматривается как многозначный суффикс: *дӯстона* [46], *даҲасна* [98], *даста* [99], *рӯза* [174], *нешам* [375], *меҳнатзада* [379] [11, 2001].

Основой для словопостроения с помощью этого суффикса является существительное, на основе которого образуются новые слова, сохраняя при этом коренные особенности первоначального слова.

Кай тарошад тег даста (ӣ) хешро?

Рав ба ҷарроҳе супор ин реширо [11, с. 99].

Нож не режет свой черенок,

Иди и отдай эту рану врачу.

How shall *the sword fashion its own hilt*? Go, entrust (the cure of) this wound to a surgeon [12, с. 175].

Такие ученые, как М. Шукуров, Ш. Рустамов, У. Ахмадов и другие, нарисовали достаточно цельную картину роли этого суффикса в различных словообразовательных процессах.

«Маснавии ма’нави» Руми, не стало исключением, и перечисленные нами суффиксы принимают активное участие в образовании различных частей речи в ПиП, использованных в этой книге:

Как существительное от прилагательных:

Ки дурушитӣ н-ояд ин чо ҳеч кор,

Ҳам ба нармӣ сар кунад аз зор мор [11, с. 472].

Ну, чтобы зло не пришло сюда,

Доброе слово и змею заставить выйти из норы.

For the **harshness** is of no use: ‘tis by **gentleness** that the snake puts forth its head (is induced to come forth) from the hole’ [12, с. 135].

Как прилагательное от существительного:

Моли меросӣ надорад худ вафо,

Чун ба ноком аз гузашта шуд чудо [11, с. 665].

Наследственное имущество не имеет преданность,

Так как поневоле разлучилось от былых времен.

При пристальном исследовании творчества Руми можно обнаружить практически все способы словообразования. Одним из распространённых способов, является морфологический. Помимо того, определена потенция их участия в словообразовании для каждой из ПиП и выявлены необходимые условия для использования суффиксов **–он**, **–хо**, **–тар** в «Маснавии ма’нави», а также найдены их эквиваленты в английском языке.

Шестой раздел под названием «**Устойчивые, неустойчивые ПиП «Маснавии ма’нави» Руми, критерии их определения и перевода на английский язык**» посвящен вопросам устойчивости и неустойчивости ПиП, анализу их соответствия в таджикском и английском языках. Наше исследование показало, что пословицы и поговорки «Маснавии ма’нави» Руми могут быть либо устойчивыми, либо неустойчивыми и во многих случаях их присутствие обусловлено определенными знаками.

Надо сказать, что количество ПиП, не подвергшихся изменениям в «Маснавии ма’нави», не так уж и велико, однако поэт сделал своим читателям поистине царский подарок, переложив их в стихотворную форму. Например: *Ҷуст ўро, то–и чун банда бувад,*

Лочарам чўянда ёбанда бувад [11, с. 52].

Искал его, чтобы стать его рабом,

Поневоле кто ищет, тот найдет.

Подстрочный перевод применяется тогда, когда необходимо рассмотреть составные части формы текста, его семантику и его выраженные средствами другого языка. Буквальный перевод разрушает струк-

туру фразеологической единицы внутри пословиц и поговорок. Было бы хорошим делом, если бы Р. Никольсон применил подстрочный перевод, а найдя эквивалент для пословиц и поговорок в английском языке, использовал бы его в своем переводе. Например, при переводе второй строки вместо фразеологического сращения **the seeker is a finder**, на наш взгляд, было бы уместнее использовать известную в английском фольклоре еще с 1640 года народную пословицу **Where there's a will, there's a way**, которая добавила бы красок данному тексту [10, с. 334].

He sought him that he might be as a slave to him: inevitably, **the seeker is a finder** [12, с. 78].

Еще одним положительным качеством устойчивости пословиц и поговорок является то, что при смене места строки не меняется смысл и тема двустишья. Хотя можно заметить, что перемена места слов в пословицах и поговорках весьма распространенное явление: **Мулло бошӣ такрор кун, Дехқон бошӣ шудгор кун** (Если ты образованный – повторяй, а если земледелец – вспахивай) [7, с. 441]. Убедительно здесь демонстрируется постоянство внутреннего содержания для данного жанра. Что касается данной пословицы, то в случае перемены места строки, ее суть останется неизменной: **Дехқон бошӣ шудгор кун, Мулло бошӣ такрор кун**. Being a mulla – make repetition, Being a peasant – do ploughing [7, с. 107].

Следует отметить, что текст пословиц и поговорок в сравнении с другими жанрами достаточно устойчив, хотя абсолютной устойчивости мы иногда не наблюдаем.

Неустойчивость пословиц и поговорок можно охарактеризовать, как склонность к изменению внутренней структуры (изменение места слов, оборотов) при неизменности смысла. Например, в «Маснави ма'нави» обнаруживается значительное количество нестабильных пословиц и поговорок, поскольку устойчивость выражения противоречит требованиям поэтической структуры.

Марди ғарқагашта чоне меканад,

Дастро дар ҳар гиёҳе мезанад [11, с. 62].

Утопающий старается изо всех сил,

Рукою хватается за каждую соломинку.

The drawing man suffers an agony of soul and **clutches at every straw** [Mathnawi, 2001, 99].

Следует отметить, уместность перевода вышеприведенного двустишия пословицей **A drowning man will catch at a straw** [10, с. 84], ввиду того, что в английском языке синонимичные глаголы **to clutch** и **to catch**, часто заменяют друг друга, не теряя при этом основного смыс-

ла текста. Одами ғарқшуда ба ҳар хасу хошок мечаспад. Утопающий хватается за соломинку [3, с. 262].

Как показывает проведенное исследование, подстрочный перевод не всегда приносит желаемый результат. Поскольку в данном случае теряется художественное оформление, национальный колорит, причинно-зависимые отношения фразеологических словосочетаний, а некоторые национально-специфичные слова-реалии, при переводе утрачивают свою основную идею. Мы считаем, что в данном конкретном случае перевод должен быть не подстрочным, а таким, который бы не нарушил тематической целостности и образности содержания.

Ввиду вышеизложенного, переводчику следует в большей степени использовать ПиП – эквиваленты из родного языка, что в конечном счете послужит достижению более качественного перевода.

В заключении диссертации подведены итоги проведенного исследования.

Использованная литература

1. Гварджаладзе, И.С. Мчедишвили, Дж.И. Английские пословицы и поговорки / И.С. Гварджаладзе. Дж.И. Мчедишвили. – М.: Высшая школа, 1971. – 77 с.
2. Даль, Вл. Пословицы и поговорки русского народа / Вл. Даль. – М.: Правда, 1987. – 654 с.
3. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.
4. Кунин, А.В. Английская фразеология (теоретический курс) / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 334 с.
5. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 406 с.
6. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988.
7. Свод таджикского фольклора. – Душанбе: Дониш, 1986. – Т. IV. – 322 с.
8. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1967. – 123 с.
9. Фозилов, М. Словарь таджикско-персидских пословиц, поговорок афоризмов / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1975. – Ч. 1. – 368 с. (на тадж. яз.)
10. Oxford Dictionary of Proverbs. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 370 p.

Источники:

11. Мавлоно Джалолуддин Мухаммади Балхи. Маснави ма'нави. Перевод и комментарии Рейнолда Никольсона. – Тегеран: Нашри замон, 2001. – 728 с.
12. The Mathnawi of Rumi, Jalaluddin. Volume 2. / Translation and Commentary by Reynold A. Nicholson. – London, 1968. – 365 p.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора в журналах, включенных в перечень ВАК РФ

1. Игболов, О.Ш. Отличительный характер некоторых пословиц и поговорок в таджикском и английском языках // О.Ш. Игболов. Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2010. – №7(63). – С. 116-20. (на тадж. яз.)
2. Игболов, О.Ш. Формаобразование некоторых пословиц и поговорок в таджикском и английском языках // О.Ш. Игболов. Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2012. – №4/6 (97). – С. 40-44. (на тадж. языке)
3. Игболов, О.Ш. Пословицы и поговорки в творчестве персидско-таджикских поэтов и писателей // О.Ш. Игболов. Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2013. – № 4/1 (105), – С. 27-32. (на тадж. яз.)
4. Игболов, О.Ш. Перевод и комментарии реалий «Маснави ма'нави» Мавлоно Джалолуддина Руми и их перевод на английский язык // О.Ш. Игболов. Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/5, – С. 64-68. (на тадж. яз.)

Сдано в набор 06.07.2017. Подписано в печать 07.07.2017.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 270.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30